

Павел Елисеевич Щеголев

**Из истории журнальной
деятельности А.Н. Радищева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ34

Щ34 **Щеголев П.**
Из истории журнальной деятельности А.Н. Радищева / Павел Елисеевич Щеголев – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-521-38852-3

ISBN 978-5-521-38852-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

заль ему, что являлся въ его типографію съ порученіемъ развѣдать, не у него ли печатается эта книга, и прикрыль это порученіе извѣстіемъ узнать, какъ вообще печатаются книги“ ¹⁾ Пыпинъ самъ призналъ, что изъ подобныхъ сообщеній трудно извлечь что-нибудь кромѣ темнаго представленія о какихъ-то связяхъ, существовавшихъ между нимъ и Радищевымъ. Но это сообщеніе Быстрова-Греча-Кеневича не годится для утвержденія даже темнаго представленія. Пыпину не были еще въ то время извѣстны данныя о началѣ преслѣдованія противъ Радищева: и о томъ, что факты его авторства и печатанія книгъ въ его собственной типографіи обнаружались, можно сказать, тотчасъ же по возбужденіи разслѣдованія. Но, главное, мы знаемъ теперь, что у Крылова не было въ то время собственной типографіи, что „Почта Духовъ“ печаталась въ типографіи Рахманинова ²⁾, что изданіе прекратилось въ 1789 году на августовской книжкѣ скорѣе всего за отсутствіемъ подписчиковъ и что во всякомъ случаѣ прекращеніе не было ни въ какой зависимости отъ появленія книги въ юнѣ 1790 года.

Второе указаніе, приводимое Пыпинымъ, — свидѣтельство Масона, автора извѣстнаго сочиненія о Россіи въ царствованія Екатерины II и Павла I. Масонъ прибыль въ Россію въ 1786 году, сначала преподавалъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, а съ 1789 года состоялъ адъютантомъ при президентѣ военной коллегіи Н. И. Салтыковѣ, былъ воспитателемъ его дѣтей и жилъ въ дворцѣ; въ 1796 году онъ былъ высланъ за границу имп. Павломъ I. В. А. Бильбасовъ даетъ высокую оцѣнку его работѣ, вышедшей въ 1800 году подъ заглавіемъ „*Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul Ier*“. Paris Au VIII ³⁾. Во второмъ томѣ (р. 188—190) мы находимъ слѣдующее извѣстіе о Радищевѣ.

„Среди многочисленныхъ жертвъ политическихъ преслѣдованій Радищевъ заслуживаетъ въ особенности сожалѣній друзей разума. Извѣстно, что Екатерина II не рѣдко отправляла на свой счетъ за границу русскую молодежь путешествовать и учиться; въ большинствѣ случаевъ выборъ былъ удаченъ, молодые люди становились достойными людьми и приносили въ свое отечество знанія философіи и гуманныя идеи. Самымъ выдаю-

¹⁾ Кеневичъ, В. Ив. Андр. Крыловъ. Біогр. очеркъ. Вѣст. Евр. 1868, февр., стр. 712.

²⁾ Данныя объ изданіи „Почты Духовъ“ приведены г. Каллашемъ въ предисловіи къ перепечаткѣ журнала (Полн. собр. соч. Крылова, изд. т-ва „Просвѣщеніе“, т. II, стр. 305—320).

³⁾ См.: В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Т. XII, ч. 2-ая, Берлинъ, стр. 68-ес.

пимся и самымъ несчастнымъ изъ этихъ воспитанниковъ Екатерины былъ Радищевъ. По своему возвращеніи онъ былъ опредѣленъ директоромъ таможни и въ этомъ положеніи сборщика податей (*dans cet emploi de publicain*), его честность, любезность въ обращеніи, мягкость характера заставили принять и дорожить имъ. Онъ занимался литературой и уже издавалъ „Почту Духовъ“ (*Potschta Doukow*), періодическое изданіе, самое философское и самое острое (*la plus piquante*), подобнаго которому никогда не осмѣлились издавать въ Россіи. Но его совѣтъ не трогали; когда же во время революціи онъ осмѣлился напечатать маленькую работу, онъ рѣшился обнаружить свою ненависть къ деспотизму, свое негодованіе противъ фаворитовъ и свое уваженіе къ французамъ. Особенно замѣчательно тутъ то, что многіе экземпляры его книгъ имѣли разрѣшеніе полиціи. Рылѣевъ (*Kléief*), начальникъ полиціи, столь же извѣстный въ Россіи своими вѣлѣпостями, какъ д'Аржансонъ, Ленуаръ, Сартинъ во Франціи своими жутостями, былъ потребованъ къ отвѣту по поводу этого одобренія. Онъ не зналъ, какъ отвѣчать, потому что онъ не читалъ книги, да и ничего въ ней не понялъ бы. Но почтенный Радищевъ, также спрошенный, сознался, что самые рѣзкіе отрывки его книги не были въ рукописи, когда онъ представлялъ ее въ цензуру, но что онъ самъ напечаталъ ихъ у себя. Онъ заслуживалъ бы того отношенія, которое Екатерина высказала въ другихъ случаяхъ — прощенія, но Радищевъ былъ отправленъ въ Сибирь.

„Онъ попросилъ разрѣшить ему обнять послѣдній разъ жену и дѣтей: когда его вывели изъ тюрьмы, чтобы отправить, ему разрѣшили остановиться на берегу Невы, чтобы подождать ихъ: но была ночь; подняли мостъ, чтобы пропустить суда, и въ этотъ моментъ его несчастная супруга прибыла на другой берегъ. Радищевъ умоляетъ задержать его отправленіе, пока не пройдетъ судно, или пока жена не найдетъ лодки. Напрасно, безжалостный конвой заставлялъ его сѣсть и запираетъ его въ возокъ, на глазахъ его растерявшейся жены, простравающей съ воплями къ нему руки черезъ рѣку. Ахъ! если онъ еще живъ въ далекой пустынѣ (*dans ces vastes deserts*), въ которую онъ брошенъ, или если онъ еще дышетъ въ Колыванскихъ рудникахъ, пусть онъ найдетъ утѣшеніе въ философіи и добродѣтели! Его смѣлость не прошла безъ пользы для родины. Несмотря на конфискацію, его книга существуетъ у многихъ его соотечественниковъ, и память о немъ дорога всѣмъ разсудительнымъ и чувствительнымъ людямъ“.

Къ этому разсказу Масонъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Трудъ Р. озаглавленъ „Путешествіе въ Москву“. Русскимъ книгопродавцамъ платили до 25 руб. за то, чтобы имѣть на часъ эту книгу и прочесть. Я читалъ только отрывки, и среди нихъ тотъ, въ которомъ онъ разобла-

часть цадменность и глупое величіе деспота, окруженнаго презрѣнными льстецами. Вотъ фраза которая особенно возмутила Екатерину: *puisque'elle etait directe. J'entre à Tzarskoé-Célo; je suis frappé du silence effrayant qui y regne: tout se tout, tout tremble; c'est ici la demeure du despotisme.* И эта фраза стояла Сибири для несчастнаго Радищева“.

Вотъ единственное извѣстіе, называющее Радищева даже не сотрудникомъ, а единственнымъ авторомъ „Почты Духовъ“. Сообщенія Масона достовѣрны въ общихъ чертахъ, но не въ частности. И рассказъ о Радищевѣ тоже только въ общемъ соответствуетъ дѣйствительности, но отстываетъ отъ нея во многихъ частностяхъ. Пыпинъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Уже первое сообщеніе объ его исключительно авторствѣ „Почты Духовъ“ должно бы вызвать сомнѣніе. Масонъ не держалъ въ рукахъ даже книги „Путешествія“; поэтому то онъ и называетъ его небольшой работой, брошюрой. Рассказъ о прощаніи тоже не вѣренъ: и жены у Радищева въ это время уже не было, да притомъ такая разительная подробность о прощаніи (положимъ, не съ женой, а съ сестрой — воспитательницей дѣтей Р.) сохранилась бы въ семейныхъ воспоминаніяхъ дѣтей Радищева. Свѣдѣнія о процессѣ и карѣ, постигшей Радищева, получены, о евидно, не изъ первыхъ рукъ и только подтверждаютъ общее впечатлѣніе отрывка, что Масонъ былъ въ довольно далекихъ отношеніяхъ къ дѣлу Радищева и къ исторіи его книги. Извѣстія Масона не шли, очевидно, изъ круговъ, близкихъ къ Радищеву. Съ тѣмъ большей осторожностью нужно относиться къ сообщенію Масона о „Почтѣ Духовъ“, ибо еще труднѣе было получить свѣдѣнія о такомъ интимномъ фактѣ, какъ авторство неподписанныхъ статей. Въ большую пубliku, къ которой принадлежалъ и Масонъ, проникали, конечно, лишь слухи, и эти слухи и положилъ въ основу своей книги Масонъ. Дѣйствительно, тотъ, кто общался бы Масону совершенно достовѣрное извѣстіе объ изданіи Радищевымъ „Почты Духовъ“, долженъ былъ близко знать жизнь Радищева и не могъ сообщить данныхъ, приводимыхъ Масономъ.

Вотъ этотъ-то слухъ, внесенный въ французскую книгу, и положилъ начало литературѣ нашего вопроса. Считаясь съ нимъ и не имѣя кромѣ него рѣшительно никакихъ фактическихъ данныхъ, изслѣдователи, касавшіеся этого вопроса, считали должномъ высказаться, какія именно письма въ „Почтѣ Духовъ“ могутъ быть приписаны Радищеву. Пыпинъ приписывалъ ему всѣ письма, занятыя общими соображеніями о недостаткахъ общественной жизни и разсужденіями о предметахъ нравственности, въ особенности письма Сильфа Дальновида и предположительно письма VIII, II, IV, XX, XXII, XXIV, XXV, XXIX, XXXIII, XXXVII. Къ мнѣнію Пыпина

склонялся и А. И. Мищенко ¹⁾. А. Н. Майковъ склоненъ былъ приписать Радищеву письма Сильфа Дальновида и Высипсара, особенно письма XX, XXII, XXIV, XXVII ²⁾. В. В. Каллашъ утверждаетъ, что письма Высипсара, Дальновида и Астарота напоминаютъ литературную манеру Радищева ³⁾. Н. П. Павловъ-Сильванскій, отпоясь скептически къ предположеніямъ Пыпина, признавалъ радищевскими письма XXII, V, XVIII ⁴⁾.

Основанія подобныхъ утвержденій — чисто субъективнаго свойства, въ полной зависимости отъ того впечатлѣнія, которое производитъ на изслѣдователя содержаніе или стиль писемъ. Но и на этомъ пути можно было бы получать достовѣрные выводы, если бы былъ произведенъ анализъ стиля „Почты Духовъ“ и стиля Радищева, но этой работы до сихъ поръ не сдѣлали. У насъ послѣ внимательнаго изученія сочиненій Радищева сложилось представленіе, что у Радищева своеобразнѣйшій стиль (по сло-варю, эпитетамъ и синтаксису), легко отличимый, и что стиль „Почты Духовъ“ совсѣмъ не похожъ на радищевскій. Замѣтимъ, что обычная характеристика слога Радищева — тяжелый, надутый, — безконечно повто-ряемая, совершенно поверхностна и не применима къ Радищеву. Мы сказали бы, что слогъ его имѣетъ даже своеобразную прелесть: ни въ ка-кихъ другихъ произведеніяхъ XVIII вѣка не чувствуется такого бѣшенія слова, такой жизни языка, какъ у Радищева.

2.

Но относясь критически къ сообщенію Масона, мы должны поставить вопросъ, какіе дѣйствительно бывшіе факты могли способствовать возник-новенію подобнаго слуха объ отношеніи Радищева къ журналистикѣ. На по-ставленный такимъ образомъ вопросъ мы можемъ теперь отвѣтить: да, Ради-щевъ былъ прикосновененъ къ современной журналистикѣ, но не къ „Почтѣ Духовъ“, а къ выходившему одновременно съ ней журналу „Всѣдующій Гражданинъ“. Этотъ журналъ нынѣ абсолютно забытъ; можно сказать, что изъ изслѣдователей никто и никогда имъ не интересовался, а между-тѣмъ въ исторіи русскаго общественнаго мнѣнія ему принадлежить видное мѣсто. Достаточно указать, что онъ посвященъ былъ разработкѣ вопроса о принципахъ политической дѣятельности гражданина и выясненію отно-

¹⁾ Къ біографіи Крылова (Ист. Вѣст. 1894. Т. LVIII, стр. 498—499).

²⁾ Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. Изд. Л. Ф. Пан-телѣева. 1895. Стр. 36.

³⁾ Указ. соч., стр. 312.

⁴⁾ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева. Спб. 1905. Редакція Н. П. Сильванскаго и Н. Е. Щеголева. Стр. 287—288.

нией гражданина къ своимъ согражданамъ и государству. По своему идейному содержанию журналъ очень близокъ къ „Путешествію“: можно сказать, онъ подготавливалъ книгу Радищева. Сравнительный анализъ „Бесѣдующаго Гражданина“ и „Путешествія“ выясняетъ общность взглядовъ журнала и книги на многіе политическіе и философскіе вопросы. Любопытна и исторія изданія этого журнала. Онъ издавался цѣлымъ кружкомъ единомышленно настроенныхъ лицъ — „Обществомъ друзей словесныхъ наукъ“. Издатели неоднократно подчеркивали, что, выпуская журналъ, они не преслѣдуютъ цѣлей коммерческихъ. Ихъ задачей было развитіе стройнаго міровоззрѣнія, въ которомъ необходимость гражданскихъ добродѣтелей вытекала изъ посылокъ этическихъ, философскихъ и геоэологическихъ. Поэтому, мы находимъ въ журналѣ цѣлый рядъ статей серьезнаго, научнаго содержания ¹⁾. Членомъ этого общества и слѣдовательно однимъ изъ издателей журнала былъ и А. Н. Радищевъ. Объ участіи его мы имѣемъ на этотъ разъ не одно глухое сообщеніе; мы можемъ внести въ собраніе его сочиненій одну статью, достовѣрно ему принадлежащую. Это важное извѣстіе объ отношеніи Радищева къ „Бесѣдующему Гражданину“ мы находимъ въ вышедшихъ недавно весьма любопытныхъ „Запискахъ Сергѣя Алексѣевича Тучкова“ ²⁾. Тучковъ тоже былъ членомъ „Общества друзей словесныхъ наукъ“, по въ 1789 году онъ принималъ участіе въ войнѣ со шведами и жилъ въ Выборгѣ ³⁾. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1790 году, онъ посѣщивъ въ собраніе общества, но оно оказалось закрытымъ. Собранія были запрещены, а члены общества подверглись въ разной мѣрѣ преслѣдованіямъ правительства. И эти преслѣдованія были вызваны дѣятельностью Радищева. Вотъ въ высшей степени важный разсказъ Тучкова.

„Послѣ столь труднаго похода, прибылъ я въ домъ отца моего и, отдохнувъ нѣсколько дней въ моемъ семействѣ, вздумалъ посѣтить собраніе наше любителей словесности. Но пріѣхавъ въ домъ, гдѣ собирались мои юзачены, пашель оный пустъ, и дворникъ объявилъ мнѣ, что онъ не знаетъ

¹⁾ О дѣятельности „Общества друзей словесныхъ наукъ“, о членахъ его, объ отношеніи его къ Радищеву, о связи „Бесѣдующаго Гражданина“ съ „Путешествіемъ“ я говорю на основаніи изданныхъ и неизданныхъ материаловъ въ особомъ изслѣдованіи, которое въ началѣ будущаго года появится въ печати. Въ немъ я даю подробный анализъ журнала и выясняю его историко-культурное значеніе.

²⁾ 1766—1808. Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова. Подъ ред. К. А. Военскаго. Спб. 1908. Стр. 42—43.

³⁾ На жительствѣ въ Выборгѣ онъ значится и въ спискѣ получавшихъ „Бесѣдующій Гражданинъ“, помѣщенномъ въ журналѣ.

почему, однако давно уже, какъ запрещено отъ полиціи этимъ господамъ собираться.

„Во Франціи началась уже тогда революція, и духъ вольности началъ проникать въ Россію, а потому не только всѣ иллюминатскія, мартинистскія и масонскія собранія, но даже и собранія любителей словесности были строго запрещены, потому что нѣкоторые члены первыхъ находились членами и въ послѣднихъ, чего никакъ не можно было избѣжать.

„Нѣкто г. Радищевъ, членъ общества нашего, написалъ одно небольшое сочиненіе подъ названіемъ „Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества, или истинный патріотъ“, и хотѣлъ помѣстить въ нашемъ журналѣ. Члены хотя одобрили оное, но не надѣялись, чтобы цензура пропустила сочиненіе, писанное съ такой вольностью духа. Г. Радищевъ взялъ на себя отвезти все изданіе того мѣсяца къ цензору и успѣлъ въ томъ, что сочиненіе его вмѣстѣ съ другими было позволено для напечатанія. Въ тоже время издалъ онъ и напечаталъ безъ цензуры въ собственной типографіи небольшую книгу его сочиненія подъ названіемъ: „Бѣда изъ Петербурга въ Москву“, въ которой съ великою вольностью, въ сильныхъ выраженіяхъ писалъ онъ противу деспотизма. Книга сія написана была прозою, но заключала въ себѣ оду на вольность, сочиненную имъ стихами. Она началась сими словами:

О вольность! Вольность даръ безцѣнный!

Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.

и далѣе

Да Брутъ и Телль еще проснутся

Сидя во славѣ, да смутятся

Отъ гласа твоего цари.

„Полиція скоро открыла сочинителя оной. Онъ былъ взятъ и отвезенъ въ тайную канцелярію, которая въ царствованіе Екатерины II самыми жестокими пытками дѣйствовала во всей силѣ. Нѣкто Шешковский, человѣкъ облеченный въ генеральское достоинство, самый хладнокровный мучитель, былъ начальникомъ оной. Радищевъ, выдержавъ тамъ многіе пристрастные допросы, сосланъ былъ наконецъ въ Сибирь.

„Императрица велѣла подать себѣ всѣ списки членовъ, какъ тайныхъ, такъ и вольныхъ ученыхъ собраній, въ томъ числѣ представленъ былъ списокъ и нашего собранія. По разнымъ видамъ и обстоятельствамъ, большая часть членовъ лишены были своихъ должностей, и велѣно было имъ выѣхать изъ Петербурга. Я не могу умолчать о томъ, что она, читая списокъ собранія нашего и найдя въ немъ мое имя, сказала: „на что трогать этого молодого человѣка, онъ и такъ уже на галерахъ“.

Тучковъ ставитъ кару, постигшую членовъ общества, въ связь съ обнаруженіемъ въ числѣ его членовъ Радищева; не совсемъ ясно, какое вліяніе на закрытіе общества имѣла его статья и былъ ли вѣдомъ Екатеринѣ II фактъ участія Радищева въ журналѣ. Извѣстно, что со времени французской революціи отношеніе Екатерины ко всякому проявленію независимой и свободной мысли становится нетерпимымъ, а ревность къ отысканію заразы французской—безмѣрной. Этими особенностями ея психологін объясняется и неслыханное наказаніе, наложенное ею на Радищева. Во всякомъ случаѣ въ то время участіе Радищева въ журналѣ считалось одной изъ причинъ гибели общества; явче Тучковъ, начиная въ своихъ запискахъ рассказъ объ обстоятельствахъ закрытія общества, не упомянулъ бы о статьѣ Радищева, писанной съ вольностью духа и помѣщенной по особеннымъ хлопотамъ автора. Для хронологіи событій нужно отмѣтить слѣдующее. Статья Радищева появилась въ декабрьской (послѣдней) книгѣ „Бесѣдующаго Гражданина“ въ 1789 году. Но это не значитъ, что книжка вышла въ декабрѣ. Съ первой-же январьской книжки журналъ началъ выходить съ опозданіемъ. Это обстоятельство неоднократно заставляло издателей извиняться передъ читателями. И декабрьская книжка 1789 года вышла уже въ 1790 году. Въ ней помѣщены, между прочимъ, стихи на масленицу; поэтому можно думать, что книжка вышла уже послѣ масленицы, значить въ февралѣ или даже въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ это время Радищевъ заканчивалъ печатаніе своего „Путешествія“. Очевидно, промежутокъ между выходомъ книги журнала и „Путешествія“ былъ не великъ.

3.

Но обратимся къ статьѣ Радищева, отличавшейся необычной вольностью духа. Дѣйствительно, съ первыхъ же строкъ вась охватываетъ атмосфера радищевской мысли и радищевского стиля. Тема—коренной вопросъ, волнзовавшій передовую русскую интеллигенцію—кто же истинный гражданинъ, кто сынъ отечества. Отечество для нихъ не было отвлеченнымъ словомъ, не было абстракціей: это былъ лозунгъ дѣйствительности. Не даромъ немного позже имп. Павелъ I запретилъ употреблять слово отечество, какъ терминъ революціонный. Приводимъ эту неизвѣстную до сихъ поръ статью Радищева.

Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества ¹⁾.

Не всѣ рожденные въ Отеествѣ достойны величественнаго наименованія сына Отечества (патріота).

¹⁾ Помѣщена въ „Бесѣдующемъ Гражданинѣ“ на 309—324 страницахъ III-ей части; воспроизводится нами буквально.

— Подъ игомъ рабства находящіеся не достойны укрываться симъ именемъ.—Подождись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковыя изреченія, доколѣ стоиши при прагѣ.—Вступи и виждь!

Кому не извѣстно, что имя сына Отечества принадлежитъ человѣку, а не звѣрю или скоту, или другому безсловесному животному? Извѣстно, что человѣкъ существо свободное, поелнику одарено умомъ, разумомъ и свободною волею; что свобода его состоитъ въ избраніи лучшаго, что сіе лучшее познаетъ онъ и избираетъ посредствомъ разума, постигаетъ пособіемъ ума, и стремится всегда къ прекрасному, величественному, высокому.—Все сіе обрѣтаетъ онъ въ единомъ послѣдованіи естественнымъ и откровеннымъ законамъ, иначе Божественными называемымъ, и извлеченнымъ отъ Божественныхъ и естественныхъ гражданскимъ или общежительнымъ.—Но въ комъ заглушены сіи способности, сіи человѣческіи чувствованія, можетъ ли украшаться величественнымъ именемъ сына Отечества?—Онъ не человѣкъ, но что? онъ ниже скота; ибо и скотъ слѣдуетъ своимъ законамъ, и не примѣчено еще въ немъ удаленія отъ оныхъ. Но здѣсь не касается разсужденіе о тѣхъ злосчастѣйшихъ, коихъ коварство или насилие лишило сего величественнаго преимущества человѣка, кои содѣланы чрезъ то такимъ, что безъ принужденія и страха ничего уже изъ такихъ чувствованій не производятъ, кои уподоблены тяглому скоту, не дѣлаютъ выше опредѣленной работы, отъ которой имъ освободиться не лзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телѣгу, и не имѣющіе надежды освободиться отъ своего яга, получаи равныя съ лошадью воздаянія, и претерпѣвая равные удары; не о тѣхъ, кои не видятъ конца своему игу, кромѣ смерти, гдѣ кончатся ихъ труды и ихъ мученія, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объявъ духъ ихъ размышленіемъ, возкигаетъ слабый свѣтъ ихъ разума, и заставляетъ ихъ проклинать бѣдственное свое состояніе и искать оному конца; не о тѣхъ здѣсь рѣчь, кои не чувствуютъ другаго, кромѣ своего униженія, кои ползаютъ и движутся во смертномъ снѣ (летаргія), кои походятъ на человѣка однимъ только видомъ, въ прочемъ обременены тяжестью своихъ оковъ, лишены всѣхъ благъ, исключены отъ всего наслѣдія человѣковъ, угнѣтены, унижены; презрѣнны; кои не что иное, какъ мертвыя тѣла, погребенныя одно подлѣ другого; работаютъ необходимое для человѣка изъ страха; имъ ничего кромѣ смерти не желательно, и коимъ наиблагодѣйшее желаніе приказано, и самыя маловажныя предпріятія казнятся; имъ позволено только расти, потомъ умирать; о коихъ не спрашивается, что они достойнаго чело-вѣчества сдѣлали? какія похвальныя дѣла, слѣды прошедшей ихъ жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сіе великое число рукъ?—Не о сихъ здѣсь слово; они не суть члены Государства, они

же человѣки, когда суть не что иное, какъ движимыи Мучителемъ машины, мертвые трупы, тѣлныи скотъ!—Человѣкъ, человѣкъ потребенъ для ношенія имени сына Отечества!—Но гдѣ онъ? Гдѣ сей украшенный достойно симъ величественнымъ именемъ?—Не въ объятіяхъ ли иѣги и любострастія?—Необъятый ли пламенемъ гордости, любоначалія, насилія?—Не закрытый ли въ скверноприбыточествѣ, зависти, зловожденіи, враждѣ и раздорѣ со всѣми, даже и тѣми, кои одинаково съ нимъ чувствуютъ, и къ одному и тому же устремляются?—или не погрязшій ли въ тину лѣни, обжорства и шіянства?—Вертопрахъ, облетающій съ полудня (ибо онъ тогда начинаетъ день свой) весь городъ, всѣ улицы, всѣ дома, для безмысленнѣйшаго пустоглаголанія, для обольщенія цѣломудрія, для зараженія благонавіи, для уловленія простоты и чистосердечія, содѣлавшій голову свою мучнымъ магазиномъ, брови вмѣстилищемъ сажки, щеки коробками бѣлиль и сурика, или лучше сказать живописною политрою, кожу тѣла своего вытнутою барабанною кожею, похожъ больше на чудовище въ своемъ убранствѣ, пещели на человѣка, и его разпутная жизнь, знаменуемая смрадомъ изъ устъ и всего тѣла его происходящимъ, задущается цѣлою аптекою благовонныхъ опрыскиваній, словомъ, онъ модный человѣкъ, совершенно исполняющій всѣ правила щегольской большаго свѣта науки;—онъ ѣстъ, спитъ, валяется въ пылствѣ и любострастіи, не смотря на изтощенные силы свои переодѣвается, мелетъ всякій вздоръ, отрицать, перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, кратко, онъ щеголь.—Не сей ли есть сынъ Отечества?—или тотъ, поднимающій величавымъ образомъ на твердь небесную свой взоръ, пошпирющій ногами своими всѣхъ, кои нахоятся предъ нимъ, терзающій ближнихъ своихъ пасадіемъ, гоненіемъ, притѣсеніемъ, заточеніемъ, лишеніемъ званія, собственности мученіемъ, презрѣніемъ, обманомъ и самымъ убійствомъ, словомъ, всѣми, одному ему извѣстными, средствами раздрающій тѣхъ, кои осмѣются произносить слова: чловѣчество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другія симъ подобныя?—потоки слезъ, рѣки крови не токмо не трогаютъ, но услаждаютъ его душу.—Тотъ не долженъ существовать, кто смѣетъ противоборствовать его рѣчамъ, мнѣнію, дѣламъ и намѣреніямъ! сей ли есть сынъ Отечества?—Или тотъ простирающій объятія свои къ захваченію богатства и владѣній цѣлаго Отечества своего, а ежели бы можно было, и цѣлаго свѣта, и который съ хладнокровіемъ готовъ отъять у несчастнѣйшихъ соотечественниковъ своихъ и послѣднія крохи, поддерживающія унылую и томную ихъ жизнь, ограбить, разхитить ихъ пылники собственности; который возхищается радостію, ежели открывается ему случай къ новому пріобрѣтенію; пусть то заплачено будетъ рѣками крови собратій его, пусть то лишитъ послѣдняго убѣжища и пропитанія подобнахъ ему сочеловѣковъ, пусть

они умирають съ голоду, стужи, зноя; пусть рыдаютъ, пусть умерщвляютъ чады своихъ въ отчаяніи, пусть они отваливаютъ жизнь свою на тысячу смертей; все сіе не поколеблетъ его сердца; все сіе для него не значитъ ничего;—онъ умножаетъ свое имѣніе, а сего и довольно.—И такъ не сему ли принадлежатъ имя сына Отечества?—Или не тотъ ли сидящій за исполненіемъ произведеніями всѣхъ четырехъ стихій столонъ, ксого улаженію вкуса и брюха жертвуютъ нѣсколько человѣкъ, отъятыхъ отъ служенія Отечеству, дабы до пресыщенія могъ онъ быть переваленъ въ постель, и тамъ бы спокойно уже заниматься потребленіемъ другихъ произведеній, какія онъ вздумаетъ, пока сонъ отниметъ у него силу двигать челюстями своими? И такъ конечно сей, или же который-нибудь изъ вышесказанныхъ четырехъ? (пбо пятаго сложенія толь же отдѣльно рѣдко найдемъ). Смѣсь сихъ четырехъ вездѣ видна, но еще не виденъ сынъ Отечества, ежели онъ не въ числѣ сихъ!—Глазъ разума, глазъ законовъ, начертанныхъ въ природѣ и сердцѣ человѣковъ, несогласенъ наименовать вычисленныхъ людей сынами Отечества! Самые тѣ, кои подлинно таковы суть, произнесутъ судъ (не на себя, пбо они сами не находятъ такими), но на подобныхъ себѣ, и приговорятъ исключить таковыхъ изъ числа сыновъ Отечества; поелику нѣтъ человѣка, сколько бы онъ ни былъ пороченъ и ослѣпленъ собою, чтобы сколько ни будь не чувствовалъ правоты и красоты вещей и дѣлъ.

Нѣтъ человѣка, который бы не чувствовалъ прискорбія, видя себя унижаема, поносима, поработаема пасидамъ, лишася всѣхъ средствъ и способовъ наслаждаться покоемъ и удовольствіемъ, и не обрѣтая нигдѣ утѣшенія своего.—Не доказываетъ ли сіе, что онъ любитъ *честь*, безъ которой онъ, какъ безъ души. Не нужно здѣсь изъяснять, что сія есть истинная честь; ибо ложная, въ мѣсто избавленія, покоряетъ всему вышесказанному, и ни когда не успокоитъ сердца человѣческаго.—Всякому врождено чувствованіе истинной чести; но освѣщаетъ оно дѣла и мысли человѣка по мѣрѣ приближенія его къ оному, слѣдуи свѣтлѣйшему разуму, проводящему его сквозь мглу страстей, пороковъ и предубѣжденій къ тихому ея, чести то есть, свѣту.—Нѣтъ ни одного изъ смертныхъ толпко отверженнаго отъ Природы, который бы не имѣлъ той вложенной въ сердце каждаго человѣка дружины, устремляющей его къ любленію *чести*. Всякій желаетъ лучше быть уважаемъ, нежели поносимъ, всякъ устремляется къ дальѣйшему своему совершенствованію, знаменитости и славі; какъ бы ни силится ласкатель Александра Македонскаго, Аристотель, доказывать сему противное, утверждая, что сама Природа разположила уже родъ смертныхъ такъ, что одна и притомъ гораздо большая часть оныхъ должна не премѣнно быть въ рабскомъ состояніи, и слѣдовательно не чувствовать, что есть *честь*? а дру-